

Тем временем Розалия, выйдя за дверь, заметила Эмму, которая стояла чуть дальше комнаты Джулиана. Она быстро побежала к ней, как будто позади нее был пожар.

— Боже мой, юная госпожа. Почему ваше лицо опять красное? Что-то случилось...

— Нет. Я бледная!

— Правда?

Щеки Розалии определенно были ярко-красными. Они выглядели так же, как когда Эмма выходила из комнаты, поэтому она хотела спросить Розалию, что произошло. Однако, ответ, который она получила, был странным.

Словно скрывая какую-то тайну, Розалия быстро сменила тему.

— Эмма, пойдем. Я правда хочу съесть пирожных с кремом.

— Вам не следует есть слишком много пирожных. Я знаю, что вам нужно набрать вес, но вы не будете здоровой, если будете питаться одними сладостями.

— Но они и правда вкусные, а я люблю вкусную еду.

— Вы думаете, что пирожные с кремом единственная вкусная еда в мире?

Это был странный и смущающий вопрос, но Розалия только закатила глаза. Она была решительно настроена съесть несколько пирожных с кремом. Не только пирожные, но и вся еда, которую подавали в поместье, была вкусной. На самом деле, даже если бы они дали ей собачью еду, она определенно ей бы понравилась, потому что всю свою жизнь она ела ужасную еду.

— Мне также нравится суп, белый хлеб и огромное мясо. Они вкусные.

Она волновалась, что ей не дадут пирожных, но, в конце концов, она сказала правду. Эмма молча улыбнулась, прочитав мысли Розалии.

— Можно мне хотя бы кусочек? Мне хватит даже половинки. Но, даже если это нельзя, позволь мне хотя бы посмотреть на них.

Она широко раскрыла глаза и соединила большой и указательный пальцы. Было похоже на то, как будто она просила дать ей хотя бы маленький кусочек. Увидев ее милые и сияющие голубые глаза, которые спрашивали ее, может ли она съесть немного пирожных, Эмма в итоге

сдалась.

— Если вы так сильно хотите их съесть, тогда вам следует съесть столько, сколько вы хотите. Однако, вы должны будете сразу же после еды почистить зубы.

— Хорошо!

— И за ужином вы должны съесть все овощи. И болгарский перец, и морковь тоже.

— ...Не то, чтобы я не хотела есть болгарский перец, он просто убегает от меня.

— Что вы сказали?

— Н-ничего. Я все съем.

После того, как она съела много вкусной еды, ей, похоже, все-таки не удастся сбежать от такой травы, как болгарский перец и морковь. Хуже всего было то, что они ей не нравились, потому что однажды ей пришлось есть траву, чтобы утолить голод. Но она знала, что если скажет «нет», то не сможет есть хлеб, не говоря уже о пирожных с кремом.

Розалия натянуто улыбнулась, оглянувшись назад. Она на мгновение забыла о нем, так как думала о пирожных, но лицо Джулиана снова всплыло в ее голове.

«Нет ничего плохого в том, чтобы поладить с ним».

Лучше иметь хорошие взаимоотношения, чем плохие.

— Мы здесь, чтобы увидеть госпожу Корделию.

Однажды неожиданно нагрянула беда. И для Розалии эта беда пришла в белом.

Священники, одетые в белоснежные наряды, постучались в дверь поместья герцога Валенсии. Герцог был явно недоволен внезапным визитом, поэтому попытался их запугать. Но незваные гости пришли явно подготовленными.

— Ее зовут Розалия.

— Но разве она не дочь госпожи Розалин? Пожалуйста, впустите нас, чтобы мы могли увидеть,

действительно ли она госпожа Корделия. Конечно, мы это делаем по приказу Его Императорского Величества.

— Ее зовут Розалия.

Герцог Валенсия повторял им эту фразу снова и снова, сидя на диване, скрестив руки и ноги. Похоже, он не обращал внимания на то, что они говорили.

— Разве вы не слышали, как мы сказали, что это Имперский приказ?

— Слышал. Вот почему вам было позволено войти в мой особняк. Если бы вы пришли без этого приказа, вам бы оторвали руки и ноги, как только вы постучали в дверь.

Его глаза холодно блеснули, словно показывая насколько он серьезен. Он на самом деле выглядел так, словно не врет. Однако, если бы они потеряли всю свою смелость и решимость в этот момент, то им бы не стоило даже приближаться к герцогству. Один из новых священников улыбнулся и заговорил так тихо и мягко, как только мог.

— Мы знали, что герцог искал дочь госпожи Розалин. А затем вы внезапно подали запрос на удочерение ребенка, похожего на нее. Конечно же, мы заподозрили неладное.

О том, что герцог Валенсия искал дочь Розалин после ее смерти, знали все.

— Это всего лишь простая проверка. Никто не станет отрицать, что ребенок, в котором течет кровь госпожи Розалин, станет следующей Святой. До того, как она пропала, она была ребенком, который не мог толком открыть глаза, как и другие обычные дети.

У святых обычно были особые глаза из-за божественной силы в их телах. Но ребенок, который родился, чтобы стать Святой, было обычное человеческое тело, и это тело не могло контролировать и преодолеть такую мощную божественную силу. Папа с помощью реликвии предсказал, что ребенок не откроет глаза, пока он не вырастет, а его глаза не изменятся, как и обычные дети. И ребенок Розалин выполнил все эти условия.

— Мы заберем ее к Папе, чтобы он посмотрел, настоящая она Святая или нет. И вы же знаете, что мы тоже всегда искали ее. Мы просим вашего понимания.

— Если вы настолько отчаялись, вам следовало найти ее первыми. Так почему же я забрал ее первым?

— Хо-хо. Ваша Светлость, вы знаете, что это слишком большое дело, чтобы говорить о нем так легкомысленно.

— Я не уверен, что она дочь Розалин. Я просто удочеряю ребенка. Вы слишком во мне сомневаетесь.

— Об этом хочет знать не только Церковь, но и Империя. И после того, как мы проверим, настоящая она или нет, разве герцог не почувствует облегчение?

— ...

— Вы определенно будете расстроены, если обнаружите, что она — фальшивка после того, как потратили столько сил, чтобы удочерить ее. Это также и в ваших интересах, Ваша Светлость.

Он только притворялся перед герцогом Валенсией. Однако, он знал. Он знал, что в дочери Розалин течет кровь Ориксов. И если они докажут, что она действительно Корделия, даже если он не будет святой, семья Орикс предъявит на нее свои права. Однако, если она на самом деле Святая, то Церковь попытается забрать ее. Если у них не получится с легкостью забрать девочку, то они просто скажут, что герцог Валенсия не подходит для ее удочерения. В конце концов, второй принц, Джулиан, хотел стать наследником герцога Валенсии и отойти от борьбы за трон. Он полагал, что герцог будет немного разочарован, если к ним будет примешана хотя бы малейшая примесь нечистоты.

В таком случае, герцог Валенсия...

— Вы закончили? Это явно не то, что стоит слушать.

— Ге-герцог. Ваша Светлость!

— Я позволю вам остаться в особняке, пока не пройдет определенное время, как я и обещал. На этом все.

Это означало, что он не позволит им ни ходить по поместью, ни увидеть даже тень Розалии.

Герцог Валенсия встал со своего места.

Когда священник увидел, что он собирается покинуть комнату, он использовал свой последний козырь.

— Папа беспокоился о ее благополучии. Однако, похоже, его переживания стали реальностью.

— О чем вы говорите?

— Мы боимся, что вы жестоко обращаетесь с ребенком. Мы не видели ребенка с тех пор, как

вошли в особняк, и вы ведете себя довольно подозрительно. Кроме того, до ушей Папы дошли некоторые слухи.

— Что за бред.

— В следующий раз к вашей двери могут прийти люди не только из нашей Церкви.

— ...

— Ваша Светлость, если вы позволите госпоже Корделии сделать свой собственный выбор, тогда я покину это место.

— Ей восемь лет. Она ничего не знает.

— Очевидно и характерно для семей, где плохо обращаются с детьми, говорить, что их дети ничего не знают.

Они были настойчивы в своем нелепом сомнении. Герцог Валенсия не смог сдержать раздраженного вздоха.

— Приведи Розалию.

— Но...

Саймон попытался вмешаться в разговор, но герцог поднял руку, останавливая его.

— Все хорошо. Просто приведи ее.

— Ваша Светлость, у нас есть одно условие.

— Что еще вы хотите?!

— Мы хотим, чтобы вы ничего не говорили, пока мы не уйдем. Вы не должны ничего говорить госпоже Корделии.

— Это нелепо.

— Возможно, это не правда, но на всякий случай. Что, если вы запугаете ребенка, чтобы она отказала нам? Как вы и сказали, в восемь лет дети ничего не знают, поэтому они могут легко поддаться страху и сделать выбор, который не является их собственным.

— ...Хорошо, как пожелаете.

Вскоре после этого в гостиную вошла Розалия, которая ни о чем не догадывалась.

Как только священники увидели Розалию, они встали со своих мест.

— Госпожа Корделия.

— Я не Корделия.

Розалия вздрогнула, когда увидела людей, одетых в белое. Она ошибочно приняла их за людей из приюта. Однако, несмотря на то, что она вздрогнула от страха, она все равно уверенно отвечала им.

«Только не говорите мне, что они из приюта. Они же не заберут меня, да?»

Люди из приюта носили белую одежду, в точности как те, кто стоял перед ней. Розалия пристально смотрела на них, пока они представлялись.

— Мы священники из Церкви Акасии. Мы здесь, чтобы забрать госпожу Корделию и отвести ее туда, где она изначально жила.

— Что?

Она не могла их расслышать как следует, хотя они стояли прямо перед ней. Розалия быстро обернулась и посмотрела на герцога Валенсию.

— Дяденька.

Позвала она его отчаянно. Однако герцог Валенсия просто бесстрастно смотрел на нее. Он ей вообще не отвечал.

«Священники здесь, чтобы забрать меня? Вы отправляете меня в церковь?»

Я ненавижу Церковь! Я буду только несчастна в этом месте, где каждую женщину сравнивают со Святой!

Кроме того, священники были очень похожи на людей из приюта, что заставляло ее вспоминать о травмах, которые ей нанесли в том месте.

— Вы отсылаете меня, потому что я бесполезная? Я же говорила вам, что могу работать.

По ее крошечному лицу он мог видеть, что она чувствовала себя преданной. Однако, чувство предательства уступило отчаянию, которое давно поглотило ее.

— Я хорошо стираю. Вам даже не нужно греть воду. Я могу стирать даже в холодной воде.

— ...

— И я буду помогать вам. Дяденька же не всегда справляется с вилкой, поэтому, если я вам помогу, у вас все получится. И если вы попросите меня зарабатывать, я снова пойду на улицу и начну работать!

— ...

— Я больше не буду жаловаться на гарнир. Я съем весь болгарский перец и морковь, которую вы мне дадите. А! Я еще хорошо убираюсь! Я могу вытирать ваш стол, пол и стены, пока они не заблестят!

— ...

— И... И... И...

Розалия неосознанно начала кричать, пока пыталась доказать свою полезность.

— Я буду жить тихо, как мертвая мышка.

Она так низко опустила голову, что ее подбородок касался груди. Она не могла вынести холодный взгляд герцога Валенсии, которым он смотрел на нее.

— И с этого момента я буду молчать.

Я была такой же в книге. Все мои беды были от того, что я не могла вовремя заткнуться, когда несла чепуху. Святая даже сказала, что было бы лучше, если бы я держала рот на замке.

«Почему бы тебе не говорить только, когда мы одни, а когда мы куда-то идем, то держать рот закрытым?»

«Зачем?»

«Ты же знаешь, что сквернословить. Меня все устраивает, но людям вокруг меня немного некомфортно».

Святая Корделия улыбнулась ей смущенно.

«Можешь сделать это ради меня? Мы же друзья, верно?»

У Розалии не было друзей. У нее не было и семьи тоже. Ее единственный спасательный круг сидел перед ней.

— Поэтому, пожалуйста, не выбрасывайте меня. А?

<http://tl.rulate.ru/book/52499/1446771>